

Интервью и.о. руководителя следственного управления СКР по Ставропольскому краю Игоря Иванова газете "Ставропольская правда"

О следователях, преступниках и коррупции

5 января исполнилось шесть лет Следственному комитету России. Сегодня гость «[Ставропольской правды](#)» – Игорь Иванов, и. о. руководителя следственного управления Следственного комитета РФ по Ставропольскому краю.

– Игорь Николаевич, как вы считаете, за шесть лет Следственный комитет как отдельное ведомство состоялся?

– Шесть лет – это последние страницы нашей новой истории. За это время стало ясно, что

Официальный сайт

Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Ставропольскому краю

самостоятельность пошла нам на пользу. Об этом можно судить по той работе, которую делаем ежедневно и ежечасно, по тем результатам, которые есть у наших следователей. О них и ваша газета, и другие СМИ не раз рассказывали.

На мой взгляд, Следственный комитет состоялся как самостоятельный, полноценный, самодостаточный орган государственной власти, который решает серьезные задачи уголовного преследования лиц, совершивших преступления, раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений против личности, интересов государства и общества. Только мы расследуем уголовные дела в отношении так называемых спецсубъектов, то есть людей, обладающих специальным статусом, в отношении которых существует особый порядок возбуждения уголовных дел. Это чиновники, следователи, прокуроры, адвокаты, судьи и так далее. И только мы занимаемся тяжкими и особо тяжкими преступлениями против несовершеннолетних. Примеров конкретных уголовных дел можно привести много: и убийства банды Надуева, и заказные убийства фермеров в Нефтекумском районе, и взяточничество экс-министра образования Лямина, и многие другие.

– Сколько дел в год расследует ваше ведомство?

– За минувший год около четырех тысяч дел находилось в производстве у следователей. Окончено и направлено прокурору, а потом в суд 2100 дел. А если подвести итоги шести лет, то в производстве у нас было 15 тысяч уголовных дел, причем дел сложных, опасных для государства и общества. 12 тысяч из них в отношении 15 тысяч преступников мы направили в суд. Это 600 убийц, почти 500 – преступники, нанесявшие тяжкие телесные повреждения, которые тоже привели к смерти, 450 насильников, около 400 взяточников.

– Что, на ваш взгляд, стало главным за эти шесть лет?

– Главное – это тот коллектив, который сегодня работает в следственном управлении. Он способен решать все задачи, которые перед нами стоят. Кстати, кадры для себя мы сейчас формируем начиная со школы.

– Я, конечно, понимаю, что председатель СКР Александр Бастрыкин особое внимание уделяет подготовке кадров и, в частности, кадетскому движению. Но что за необходимость готовить следователей со школьной скамьи?

– Кадетские классы созданы на Ставрополье в 2012 году, время показало, что это правильное решение. Мы участвуем в обучении четырех классов кадетов. Школа – это первый этап многоступенчатого образования следователей, потом институт (кстати, по нашим направлениям в следственных вузах учатся десятки людей), после окончания они приходят на работу к нам. На мой взгляд, чем раньше мы начнем воспитывать человека в духе нетерпимости к нарушениям закона, уважения к нему, тем профессиональнее будут следователи, которые в конечном итоге придут к нам. Они будут принимать ценности, которые

существуют в государстве и обществе. Проводя такую работу, мы надеемся на то, что человек, выходя из школы и поступая в наши профильные учебные заведения, уже будет иметь представление о профессии. И знаете, очень заметна разница между выпускниками обычных школ и кадетами. Если первые прежде всего думают о престижности профессии следователя, то вторые уже четко и твердо понимают, чем они будут заниматься в жизни.

– Понятно, что прокуратура – мать ваша, в хорошем смысле этого слова. Когда СКР выделился из прокуратуры, все следователи были «их». А сейчас? Сформировался ли какой-то свой костяк?

– Да, конечно. Если шесть лет назад, тут вы совершенно правы, стопроцентно у нас работали следователи, пришедшие из прокуратуры, то сейчас качественный состав заметно поменялся. Кто-то ушел на пенсию, кто-то стал руководителем, кто-то занялся другой работой. Сейчас у нас 34 процента – сотрудники до 30 лет. У нас есть и резерв, который мы сами формируем, есть общественные помощники следователей, которые трудятся непосредственно с ними и набираются опыта.

– А люди довольны своей работой или увольняются?

– Из 361 человека в прошлом году уволились 18. Но в основном они ушли на повышение в центральный аппарат, уехали в другие регионы, кто-то просто сменил профессию. На улицу от нас не уходят. А к нам – и это естественный процесс – приходят из полиции, службы судебных приставов, прокуратуры.

– А есть такие, кого вы просто выгнали? Как вообще вы наказываете сотрудников?

– В прошлом году мы уволили двух сотрудников, как принято говорить, по отрицательным мотивам. Они систематически нарушали закон, затягивали расследование дел, делали это некачественно, нарушали права участников процесса. Для нас приоритет – это качество расследования, по этому показателю нас и оценивают. А нарушения, которые случаются, не только прокуратура у нас находит, но в первую очередь мы заинтересованы в их выявлении. Процессуальным контролем занимаются руководители судебных подразделений, в аппарате есть отдел процессуального контроля, который проверяет и работу следователей, и жалобы на них. При наличии оснований сотрудников, допустивших нарушения, наказывают.

– Игорь Николаевич, казалось, что в СКР после разделения с прокуратурой останутся только самые важные и самые тяжкие преступления. На деле мы видим, что ваши сотрудники заняты, на мой взгляд, и рутинной – ушедшими из дома подростками, битьем полицейских физиономий (у меня лично такие стражи порядка сочувствия не вызывают: если не могут защитить себя, как защитят нас?), пьяными убийствами и так далее. Не обидно ли?

– Не обидно. Такая работа, иначе нельзя. Что касается полицейских, то я убежден, что защищать власть от неправомерных действий любого лица – это наша обязанность как органа государственной власти, простите за тавтологию. К сожалению, у нас совершается немало преступлений в отношении сотрудников полиции. Это оскорбление, применение насилия, посягательство на их жизнь. Приведу недавний пример. Преступники пытались ограбить ломбард «Золотой», а сотрудники полиции противостояли им. Мы расследуем дело банды, куда входят пять человек. Я так скажу, если полицейские отстаивают принципиальную позицию, законно действуют от имени государства, то их авторитет мы должны защищать.

– **Следственное управление расследует много дел о половых преступлениях против несовершеннолетних, когда ситуация вполне жизненная: ему 18, ей 15. Все по согласию, но ему предстоит сидеть в тюрьме. К нам в редакцию обращалась молодая мама 17 лет из Кочубеевского района, ее гражданский муж кормил не только ее с ребенком, но и всю семью, что теперь с ними будет? Могут ли ваши следователи подойти к таким ситуациям по-человечески?**

– Если молодой человек вступает в половую связь с девочкой, не достигшей 16 лет, и даже потом добросовестно воспитывает их ребенка, он все равно должен нести ответственность. Следователь (даже если в душе понимает и сочувствует) не может не исполнять закон. Поскольку существует уголовная ответственность за такие действия, то он обязан провести следствие, выяснить все обстоятельства и направить дело прокурору.

– **А лично вы как к этой проблеме относитесь?**

– Так же. Я считаю, что, когда молодой человек совершает такой поступок, он должен думать о последствиях. И парни должны руководствоваться не своими желаниями и большими чувствами, а помнить о мере ответственности. Ведь 16-летний возраст определен законодателем не просто так, учитывались физиологические, социальные и многие другие факторы.

– **А как вообще возбуждаются уголовные дела? По сообщениям полиции?**

– Путей у пострадавшего человека много. Можно обратиться в полицию, можно напрямую в органы Следственного комитета, можно в любые другие правоохранительные органы, которые вправе зарегистрировать сообщение о преступлении.

– **А на выездных приемах, которые проводит руководство следственного управления, люди приходят только жаловаться или сообщают о преступлениях?**

– В основном, конечно же, они приходят с жалобами. Но знаете, что интересно, жалоб на действия наших следователей поступает гораздо меньше, чем на действия сотрудников других органов государственной власти. И очень трудно объяснить, что проверить какой-то орган

власти не всегда в наших полномочиях. Но мы всегда рассказываем, куда человек может обратиться. А вот если нам сообщают о преступлениях, такие заявления мы обязательно регистрируем и проводим проверки.

– А насколько можно говорить о широте взглядов следователей? На мой взгляд, существует некая зашоренность не только в вашем, но и в других правоохранительных ведомствах. Если мнение составлено по отношению к обвиняемому, например, то его практически невозможно изменить, и под эту версию «подгоняются» все другие обстоятельства. Я могу привести конкретные примеры, но не в них суть...

– Уверяю вас, что у следователей СК в Ставропольском крае такой зашоренности нет. И поверьте, установление истины по делу – не только указание руководства СКР, но и ориентир для всех следователей. Наша задача не в том, чтобы любой ценой доказать причастность конкретного человека к тому или иному преступлению, как говорят, «притянуть за уши». Наша задача – установить истину. В аппарате управления есть подразделение, сотрудники которого занимаются процессуальным контролем – регулярно изучают дела, проверяют выдвинутые версии и планы расследований. Проверяют, насколько эффективно эти версии и планы отрабатываются. И наказываем тоже мы. В прошлом году были наказаны 70 следователей за то, что они в той или иной мере допустили нарушения по службе. Любой человек может ошибиться. В нашем случае, когда 160 следователей расследуют тысячи дел, проверяют десятки тысяч сообщений о преступлениях, ошибки неизбежны. Но нарушение нарушению рознь. Может быть процессуальная ошибка, а может просто не хватать подписи на одном из листов уголовного дела. Важнее, что в конечном итоге все эти нарушения были выявлены и исправлены.

– Но пресловутый процент оправдательных приговоров настолько низок, что создается впечатление, что ваше ведомство подмяло под себя все другие правоохранительные органы. Если что-то было зафиксировано в ходе следственных действий, ни суд, ни прокуратура не в силах повернуть все вспять. Может, я ошибаюсь?

– Ошибаетесь. И мне кажется, что даже вопрос не вполне корректен. Каждое из правоохранительных ведомств – полиция, прокуратура, Следственный комитет, ФСБ – занимается своей работой в рамках предоставленных полномочий. Цель у всех одна – объективно разобраться с теми или иными общественно-опасными происшествиями. И если обжалование наших действий удовлетворяется редко, то это вовсе не говорит о том, что суд идет нам навстречу. Или прокуратура идет нам навстречу. А если посмотреть на эту ситуацию с другой стороны? Очень небольшой процент оправдательных приговоров можно расценить и как высокое качество работы следователя. Нас порой ругают за то, что мы не в одно мгновение возбуждаем уголовные дела. Но сначала проводится проверка, в ходе которой серьезно и скрупулезно исследуются все обстоятельства. Это не затягивание процесса, а возможность уже

Официальный сайт

Следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Ставропольскому краю

на первоначальном этапе избежать ошибок. Разве это плохо, что к возбуждению уголовного дела следователь приходит с уже накопленным багажом знаний по обстоятельствам преступления? Поэтому и вопрос об избрании меры пресечения ставится уже на основании фактов, а не версий и домыслов следователя. Такой подход и дает нам возможность избежать многих ошибок, поэтому и процент удовлетворенных судом жалоб на действия следователя невелик. Например, в истекшем году он составил всего 9 процентов.

– Вы всегда довольны тем, что о вашем ведомстве пишут в СМИ?

– Не всегда. Я хочу, чтобы и ваша газета, и другие СМИ освещали нашу работу объективно, не смаковали подробности произошедших трагедий, а акцентировали внимание на сложной и кропотливой работе по раскрытию и расследованию преступлений. Ведь цели следственных органов и средств массовой информации здесь общие – закрепить в сознании людей незыблемость принципа неотвратимости наказания.

[Валентина ЛЕЗВИНА](#) , СП от 17.01.2017 № 5

http://www.stpravda.ru/20170117/stavropolskie_sledovateli_za_6_let_otpravili_za_reshetku_15_tys_y_99592.html

17 Января 2017

Адрес страницы: <https://stavropol.sledcom.ru/Interview/item/1094573>